

О ЛОЖНОЙ И НАСТОЯЩЕЙ ХРОНОЛОГИИ И КУЛЬТУРЕ ДРЕВНОСТЕЙ ТИПА НИЖНЕГО ГОРИЗОНТА ЛАБЕНЩИНЫ

В постчернобыльский период активно исследуются древние городища бассейна Березины-Днепровской. Несмотря на это, их культурно-хронологическая интерпретация — едва ли не самый проблемный вопрос в современной археологии старшей эпохи железа Беларуси. Впрочем, за последние 10-12 лет неоднократно объявлялось, что эти памятники, как правило, однослойные, ещё также и однокультурные. М.И. Лошенко относит все такие городища бассейна Березины, притом одинаково как верхней и средней, так и нижней, к одной-единственной культуре — штрихованной керамики. По его мнению, эта культура, если судить по замечанию в отношении Петрович, была там автохтонной. Возникновение этого, как и всех других таких березинских городищ, приурочено им ко второй половине или к концу III в. до н. э. (*Лашанкоў, 1994: 123; 1997: 152*). Эти же соображения М.И. Лошенко пытается распространить на обширную территорию вне бассейна Березины. Заодно с березинскими им упоминаются городища Мысли близ истока Немана, Ивань на верхней Случи, Сорочи на средней Орессе, а также Милоград на Днепре (*Лашанкоў, 1994: 152-154; 2001: 166*).

Ключевое значение в данном случае имеет хронология, поэтому к ней сразу и обратимся. Она несомненна у М.И. Лошенкова в той своей части, где им воспроизводятся опубликованные датировки, например, бронзовых очковидных подвесок,

железного кельта, стеклянных бус (*Егорейченко, 1993: 41-42*). Но ведь, согласно А.А. Егорейченко, сочетание дат золочёной античной бусины и типичного зарубинецкого кельта позволяет отнести занятие городища Ивань носителями культуры штрихованной керамики ко времени не ранее середины, или даже, как было уточнено, второй половины I в. до н.э. (*Егорейченко, 1996: 23*). М.И. Лошенко сама интерпретация этих датировок почему-то была оставлена без внимания. Для появления «штриховиков» на Березине, Случи и Орессе им была избрана гораздо более ранняя дата, по крайней мере, конец III в. до н. э. Источник этой датировки, впрочем, можно предположить, ведь, согласно А.Г. Митрофанову, как раз не позднее III в. до н. э. должно было возникнуть Августовское городище, отнесённое им к группе самых первых городищ штрихованной керамики в средней Беларуси (*Митрофанов, 1978: 15*).

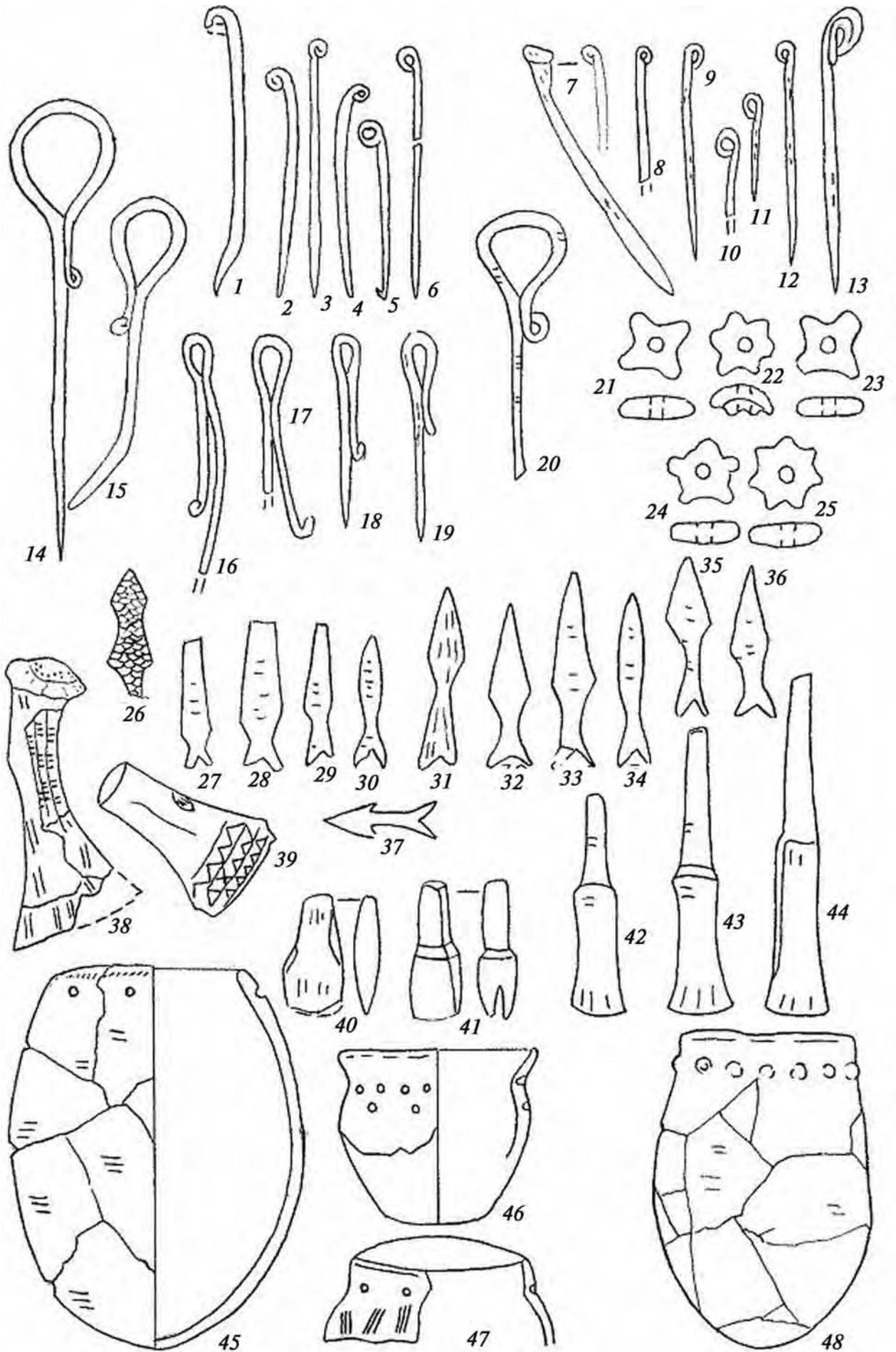
Но эту дату М.И. Лошенко пытается обосновать целиком самостоятельно, прежде всего, с помощью двух наконечников стрел. Один, ранее не издававшийся, происходит из раскопок Л.Д. Поболья на городище Дмитровичи (*Поболь, 1987: 9, рис. 21, 7*). Второй, уже опубликованный, был найден А.В. Ильютик на городище Чижуха (*Лашанкоў, 1997: рис. 1, 7*). Оба эти наконечника представляют собой железные пластинки, почти одинаковые не только по форме и размерам, но даже по характеру повреждений (рис. 1, 27-28). Характерно

расщеплённые черешки, на первый взгляд, упрощали выбор их аналога. Датируя их не позднее III в. до н. э., М.И. Лошенко указывает, прежде всего, находку из раскопок В.И. Сычёва на городище Любны (*Лашанкоў, 1997: 152; Лашанкоў, Сычоў, 1993: рис. 1, 9*). С ней, кстати, связана одна довольно забавная история. Во время устного отчёта о своих раскопках на заседании тогдашнего Сектора археологии В.И. Сычёв рекомендовал эту находку как... ритуальный железный предмет в виде рыбки (рис. 1, 29). Впервые в качестве наконечника стрелы, снабжённого шипами за счёт своего раздвоенного черешка она была определена, по-видимому, нами (*Рассадин, 1991: рис. 23*). По мнению М.И. Лошенко, железные пластинчатые наконечники стрел с раздвоенными черешками датируются, в общем, IV–II вв. до н. э. Этими же рамками им в целом ограничивается существование городища Любны (*Лашанкоў, Сычоў, 1993: 39, рис. 1, 9*). Итак, стрелки с раздвоенными черешками будто бы получают довольно важное хронологическое значение, поэтому рассмотрим их внимательнее.

М.И. Лошенко правильно сгруппированы не только сами эти наконечники, но и образцы для абсолютной их датировки по сравнительно-типологическому методу. Во-первых, им предложено различать имеющие подтреугольную, как в Дмитровичах и Чижыхе, головку, и листовидную, как в Любнах. Во-вторых, их аналоги подразделяются у него на южные и северные. В-третьих, отмечены некоторые территориальные различия. Действительно, если на Дону и в Приуралье такие наконечники имеют подтреугольные головки, то на Смоленщине в Посеймье — и подтреугольные, и листовидные (рис. 1, 31–36). Делается вывод, что любенская «рыбка» ближе к смоленской серии. Но дальше логика почему-то нарушается, и М.И. Лошенко пытается датировать этот наконечник не по смоленским, а по среднедонским образцам наконечников стрел скифских типов IV–III вв. до н. э., согласно А.И. Мелюковой (*Лашанкоў, Сычоў, 1993: 33*). Но в связи с ними ни о каком III в. до н. э. речи больше идти не может, поскольку это столетие уже полностью исключено

из хронографии Большой Скифии, так как её верхний временной рубеж, согласно новым данным, пришёлся на конец IV в. до н. э. (*Алексеев, 1996: 41–42*). Как выяснилось, вне пределов малых Скифий в Крыму, на нижних Днепре и Дунае просто-напросто отсутствуют скифские комплексы, которые датировались бы только III в. до н. э. Однако полвека назад А.И. Мелюкова ещё исходила из другого представления и писала о широком распространении скифских железных наконечников стрел как в IV, так и в III вв. до н. э. (*Мелюкова, 1964: 29*). Правда, уже довольно давно известно, что железные наконечники стрел с раздвоенными черешками происходят из более ранних комплексов. Так, погребение № 3 Ново-Никольского раннепрохоровского могильника с парой аналогичных находок датировано Г.М. Мошковой не суммарно IV–III, а только IV в. до н. э. (*Мошкова, 1974: 13, рис. 2: 5, 6*). Известно, что устаревшая хронология раннескифских бронзовых наконечников стрел, по А.И. Мелюковой, уже подверглась пересмотру в сторону удреждения (*Полін, 1987: 17–36*). Видимо, то же ожидает и железные позднескифские.

В специальной публикации о находках вещей скифских типов из Беларуси любенский наконечник вообще не упоминается (*Рассадин, 1992: 61–74*). Не был включён в сводку этих находок также и наконечник, найденный К.П. Шутом на днепродвинском городище Кубличи (*Шут, 1969: 281, рис. 7: 9*). Между тем он совершенно однотипен происходящим как со смоленских, так и с березинских городищ (рис. 1, 29). Как для дмитровичского и чижыхского, так и любенского наконечников более вероятным, чем скифское, представляется днепродвинское происхождение. Е.А. Шмидтом, на которого, кстати, и ссылается М.И. Лошенко (*Лашанкоў, Сычоў, 1993: 33*), специально подчёркивалось следующее. Во-первых, что на городищах днепродвинской культуры наконечники именно скифских стрел вообще не найдены. Во-вторых, что наиболее характерными для неё являются железные листовидные с черешками типа ласточкина хвоста. И что они, в-третьих, воспроизводили форму более ранних костяных, тоже очень свойственных днепро-

двинской культуре (Шмидт, 1992: 86, 133, табл. 1, 22, табл. 18, 2-7, 9, 11) (рис. 1, 31). Кстати, по наблюдению В.И. Шадыро, некоторые костяные стрелы по форме подражают, в свою очередь, кремнёвым (Шадыро, 1985: 48, рис. 28, 4). И в самом деле, там же, в Подвинье, на торфяниковой стоянке Осовец-7 обнаружен черешковый наконечник стрелы с уже намечающимися боковыми шипами (Чарняўскі, 2003: мал. 1, 1) (рис. 1, 26).

Для таких же, как и на Смоленщине, наконечников, подтреугольных и листовидных, найденных на городище Кузина Гора на Сейме, А.Е. Алихова, на которую М.И. Лошенко, кстати, тоже сослался, также указывались не скифские, а ещё предскифские прототипы, и также из кости (Алихова, 1962: 105, рис. 10: 8, 9). Среди костяных наконечников стрел из Суботовского городища действительно имеются экземпляры с раздвоенным основанием (Тереножкин, 1961: рис. 66, 2, 3). Впрочем, костяные наконечники стрел дьяковской культуры 24-го типа (ланцетовидные с полулунным завершением черешка), по мнению К.А. Краснова, наоборот, являлись подражением скифским железным IV–III вв. до н.э. (Дьяковская культура, 1974: 32, табл. 1, 30, 31). Но, если с этим согласиться, придётся допустить, что пластинчатые наконечники стрел были изобретением поздних скифов, а мы знаем, что это не так. Бронзовый наконечник стрелы с раздвоенным черешком представлен, например, среди находок XII–VII вв. до н.э. на поселении ранней кобанской культуры в Сержень-Юрте (Стени..., 1989: табл. 101, А, 33) (рис. 1, 37). Итак, вряд ли удастся точно определить как время появления идеи делать наконечники стрел именно такими, так и самого позднего её воплощения — в

железе. Последнее вполне могло произойти и раньше III в. до н.э. Кстати, на городище Чижеха такой наконечник был найден в предматериковом слое, вместе с милоградской по облику керамикой (Ильютин, 1998: 29).

Но такую же дату, III в. до н.э., М.И. Лошенко попытался обосновать и по булавам с кольцевыми завитками. Они на березинских городищах в основном железные, но изредка сделаны также из бронзы (рис. 1, 7-9). «Іх шматлікія аналагі на поўдні, — пишет М.И. Лошенко, — ...не выходзяць за межы III ст. да н.э.» (Лашанкоў, 1997: 153, мал. 1, 10-12). Чтобы убедиться в ошибочности этого утверждения, достаточно обратиться к двум таблицам, изданным В.Г. Петренко, на которые ссылается М.И. Лошенко. Настаивая только на III в. до н.э. прежде всего для бронзовых булавок, он, однако, указал однотипные им, но всё же железные: с селища Лихачёвка, а также с Каменского городища и из Кирова (рис. 1, 5, 6). В обеих этих таблицах названные булавки показаны среди находок IV–III вв. до н.э. (Стени..., 1989: табл. 41, 55, табл. 42, 38, 39). Бронзовые же булавки со свёрнутыми в петлю головками датированы В.Г. Петренко гораздо более ранним временем, а именно VII–VI вв. до н.э. (Стени..., 1989: табл. 41, 6, 7). Обойдённые М.И. Лошенко, они как раз и требовали внимания ещё и потому, что обе эти булавки, с городища Леплявы и с Жаботинского поселения, довольно близки по форме к найденной им самим в Петровичах, между прочим, как раз бронзовой булавке (рис. 1, 3, 4). Таким образом, при полном, а не выборочном использовании хотя бы одних скифских аналогов получается, что та же петровичская булавка из бронзы с петлёй вместо головки вполне может быть гораздо старше III в. до н.э., на

Рис. 1. Находки на памятниках типа нижнего горизонта Лабенщины и их аналоги.

1 — Погребы, 2 — Козинцы, 3 — Леплявское городище, 4 — Жаботин, поселение, 5 — Каменское городище, 6 — Кирово, 7-9 — Петровичи, 10, 38, 42, 46 — Лабенщина, 11 — Язно, 12, 29, 47 — Кубличи, 13, 43 — Кашеличи, 14 — Деревянное, 15 — Корост, 16 — Щатково, 17 — Палицкое, 18, 19, 28 — Чижеха, 20 — Бураково, 21 — La Ciurea, 22 — Малышки, 23, 27 — Дмитровичи, 24 — Лысуха, 25 — Кострица, 26 — Осовец-7, 30 — Любны, 31 — Холмец, 32, 34 — Демидово, 33 — Федотково, 35-36 — Кузина Гора, 37 — Сержень-Юрт, 39 — Мстиславль, 40 — Замошье, 41 — Горани, 44 — Девички, 45 — Горошков, 48 — глазковская культура (26, 40 — камень, 31, 38-39, 41 — кость, 21-25, 45-48 — керамика, 1-4, 9, 14-18, 37 — бронза, остальное — железо).

котором, как на нижней её дате, безуспешно настаивал М.И. Лошенко. Потому что кроме раннескифских, аналогичные, если не сказать идентичные, этой петровицкой хорошо представлены также и среди ещё более ранних булавок лебедовской культуры позднего бронзового века (*Березанская, 1976: 210, рис. 2, 25-27, рис. 7, 25*) (рис. 1, 1, 2). Впрочем, такие булавки известны и в эпоху средней бронзы (*Gedl, 2003: рис. 7, 2*).

«Такіх шпілек, — пишет далее М.И. Лошенко, — на помніках цэнтральнабеларускага арэала культуры штрыхавнай керамікі няма» (*Лашанкоў, 1997: 153*). И это, опять же, совершенно неверно, если учесть опубликованную А.Г. Митрофановым железную булавку из верхнего горизонта Лабенщины, относящегося как раз к этой культуре (*Митрофанов, 1978: 21, 29*) (рис. 1, 10). Гораздо в большем количестве железные булавки с такими же элементарно кольцообразными навершиями представлены, кроме средней, в северной Беларуси, на многих памятниках западновинского локального варианта днепродвинской культуры. На основании многочисленных аналогов из Прибалтики, Смоленщины, Волго-Окского междуречья В.И. Шадыро предлагает датировать этот тип днепродвинских железных булавок концом I тысячелетия до н.э. — началом нашей эры (*Шадыро, 1985: 63, рис. 38, 18-24*) (рис. 1, 11, 12). А.М. Медведев булавку этого же типа из городища культуры штрихованной керамики Кашеличи по находкам в слое, где она найдена, предлагает датировать I—II вв. н.э. (*Медведев, 1996: 28, рис. 48, 2*) (рис. 1, 13). Итак, вполне очевидно, что вряд ли имеется достаточно оснований для ограничения III в. до н.э., как верхним хронологическим пределом, бытования того же самого примитивного типа железных булавок не только в бассейне Западной Двины, но и Березины. Надо полагать, что, по крайней мере, часть из них на самом деле связана с теми материалами березинских городищ, которые синхронны не нижнему, а верхнему горизонту Лабенщины.

Датировка березинских городищ по М.И. Лошенкоу целиком была воспринята А.В. Ильютик (*Ильютик, 1998: 29-30*). Дополнительно ею упоминается ещё

«милоградский пятирожковый грузик» из городища Лысуха, датируемый, по её мнению, второй половиной I тыс. до н.э. (*Ильютик, 1994: 196, рис. 2, 7*). М.И. Лошенко так называемые «рожковые» грузики пытался датировать более определённо: «ранним этапам милоградской культуры — VI—IV ст. до н.э., а магчыма і больш ранняй парой» (*Лашанкоў, 1989: 76, рис. 1, 1-14*). Но ведь эти незамысловатые глиняные изделия были найдены не только на восточнополесских милоградских, но и на березинских городищах, таких как упомянутая Лысуха, а также Дворище и Дмитровичи (*Ильютик, 1996: 156, рис. 6, 1*) (рис. 1, 23, 24). Налицо противоречие между представлениями о хронологии городищ и датировке найденных на них же грузиков. Однако данное недоразумение всё же легко исправить, поскольку «рожковые» грузики на самом деле вряд ли возможно датировать сколько-нибудь определённо. Они снова во множестве были найдены, например, на полесских поселениях тшинецко-комаровской культурной общности II тыс. до н.э. (*Охрименко, Гусаревич, 2003: рис. 8, 1, 4-9*). С другой стороны, такой же крестовидный грузик обнаружен на городище Кашеличи культуры штрихованной керамики, где самый ранний горизонт не был, согласно А.М. Медведеву, старше I в. до н.э. (*Медведев, 1996: 36, 46, рис. 73, 3*).

Однако, помимо грузиков, тем же III в. до н.э. А.В. Ильютик попыталась датировать и часть керамики некоторых березинских городищ, а именно венчики CS 2:1 и CS 2:2, по её классификации (*Ильютик, 1998: 27, табл. 3-4*). Аналогом послужили милоградские венчики из постройки на Борховском городище. Её О.Н. Мельниковская действительно отнесла к III в. до н.э., потому что так датируется, якобы, найденная там же посоховидная булавка с перекрученным стержнем (*Мельниковская, 1967: 91, 107, рис. 37: 13, 47: 19, 21*). Однако она не бронзовая, а железная, и вдвое короче найденной на Басовском городище, но не в комплексе, а просто в слое. Он был широко датирован В.А. Ильинской — VI—III вв. до н.э., а среди находок IV—III вв. до н.э. данная булавка ею даже не упоминается (*Іллінська, 1952: 40, табл. 1, 31*). Найденная в

Борхове булавка гораздо ближе не к скифской, а к днепродвинской из Кострицы, которую В.И. Шадыро помещает среди железных днепродвинских булавок первых веков н.э. (*Шадыро, 1985: 64-65, рис. 38, 7*). То, что таблицу венчиков, сгруппированных О.Н. Мельниковской соответственно трём выделяемым ею этапам милоградской культуры, нельзя использовать как определитель, нами в своё время было показано на примере городища Ястребка (*Рассадин, 1989: 11*). Это подтвердилось снова, когда, как заметила А.В. Ильютик, милоградские аналоги одних и тех же березинских венчиков у О.Н. Мельниковской датируются I в. до н.э. — I в. н.э., а у М.И. Лошенкова — только III в. до н.э. (*Ильютик, 1998: 27*). Интересно, что М.И. Лошенко основывается, в общем, на той же самой таблице О.Н. Мельниковской, но со своими поправками. Особенно повлияла на них ещё одна находка булавки, аналогии которой также происходят из окрестностей украинской Басовки. «Рассматриваемая бронзовая булава с городища Ястребка является надёжным репером для определения раннего времени памятника V в. до н.э. Попытка же С.Е. Рассадина продатировать её IV—III вв. до н.э. не убедительна» (*Лошенко, 1993: 47*). Этим автором нам уже неоднократно приписывалось то, чего нет на самом деле. Как не было, например, и упомянутой «попытки» на указанной им странице, где единственный раз во всём автореферате нашей кандидатской диссертации упомянута та самая ничем не примечательная булава, вернее, общепринятая датировка её скифских аналогов: «...гвоздевидные из Горошкова, Козинцев, Милограда, Погребов, Чаплина, Ястребки — VI—III вв. до н.э. (по В.Г. Петренко)» (*Рассадин, 1989: 9*). Поскольку хронологию керамики березинских городищ пытаются установить по датировке Ястребки, а её, в свою очередь, по дате обломанной булавки, придётся остановиться на ней подробнее. Мы исходим из того, что время возникновения прототипа и время бытования аналогов нередко не совпадают. Например, подковообразные фибулы появляются ещё в скифскую эпоху, но продолжают использоваться вплоть до этнографической современности.

Бронзовые булавки с коническими, как у ястребской, головками известны от эпохи бронзы по средневековье включительно (*Эпоха бронзы..., 1987: 134, рис. 66, 23; Финно-угры..., 1987: табл. CXVI, 6*). Судя, например, по находке в Пожарной Балке, такие булавки использовались уже ранними скифами в VII—VI вв. до н.э. (*Андриенко, 1996: 357, рис. 1, 3*). Но согласимся с М.И. Лошенко, что аналогом ястребской находки должна считаться лишь булава с точно таким же, как у неё, диаметром головки из Басовского «А» кургана, где погребение датируется первой половиной V в. до н.э. (*Галанина, 1977: 50*). Однако это не означает автоматически, что только тогда такая же булава должна была появиться и в Ястребке. Иначе таким же «надёжным репером» пришлось бы признать ещё одну гвоздевидную булаву, аналогии которой не менее надёжно фиксируются тоже на р. Суле, в скифских курганах V—IV вв. до н.э. (*Ильинская, 1968: 143-145*). Однако ранняя группа зарубинецкого могильника Велемичи П.К.В. Каспаровой датирована началом — серединой I в. до н.э., а поздняя, в которую входило погребение № 45 с этой булавкой, — второй половиной I в. н.э. (*Каспарова, 1972: 93, 101, рис. 20, 6*). В общем, так же, I в. до н.э. — I в. н.э., датируется и зарубинецкое поселение Погребы (*Максимов, 1972: 26*). Там была обнаружена и булава, такая же обломанная, но с конической головкой, как в Ястребке (*Канівець, 1953: табл. VI, 1*). Наконец, третья такая же — ещё и в Лемешевичах, где имеются и милоградские, и зарубинецкие, и более поздние материалы (*Вергей, 1994: 3-20, табл. VI, 1*). Итак, по-прежнему актуально замечание В.П. Петрова о присутствии в зарубинецкой культуре скифских гвоздевидных булавок, не определявших, однако, её типа (Петров, 1959: 48). Видимо, вовсе не требуется быть знакомым с материалами этого памятника в полном (?) объёме, чтобы понять: зарубинецкая серия вполне внятно выражена и в Ястребке, где она особенно наглядна на фоне отсутствия такого раннемилоградского, в общем, элемента, как «жемчужный» орнамент (*Лошенко, 1993: рис. 6*). Вполне возможно, что булава-«репер», как и две другие, из Погребов и Лемешевич, могла относиться не к

классическому скифскому, а к зарубинецкому времени. Точнее сказать невозможно, поскольку практически весь остальной металл из Ястребки для её хронологии не полезней найденных здесь же бранных останков кошки. Не исключено, однако, что реальный возраст и булавки, и зарубинецких, и части милоградских венчиков находится где-то внутри пределов датировки двух стеклянных античных бусин, но она, к сожалению, тоже весьма неопределённая: III–II вв. до н.э. и I–II вв. н.э. Итак, городище Ястребка скорее само нуждается в образцах для уточнения хронологии, чем способно прояснить таковую для городищ бассейна Березины.

Итак, получается, что и венчики CS 2:1 и CS 2:2, и «рожковые» грузики, и булавки с кольцевыми головками, и наконечники стрел с раздвоенными черешками дату основания этих городищ совсем не проясняют. Однако нужные для решения этой задачи материалы в распоряжении М.И. Лошенкова, по-видимому, всё же были. Но он даже и не пытался датировать, например, булавки, для которых им было предложено оригинальное, хотя и необоснованное название: «заціскачки» (*Лашанкоў, 1997: 150, мал. 1, 1-5*). Речь идёт о булавках с S-овидным навершием, введённым в научный оборот уже довольно давно (*Поболь, 1974: 257, рис. 107, 7*). Они отличаются от обычных посоховидных только несколько большей длиной окончания завитка, вытянутого вдоль стержня, что и придаёт им некую пинцетообразную форму (рис. 1, 17-19). Трудно, однако, представить, как могла эта их особенность использоваться функционально. Скорее всего, она имела декоративный характер. «Варта адзначыць, — пишет М.И. Лошенков, — што шпількі разгледжанай канструкцыі вядомы пакуль што толькі ў насельніцтва, якое пражывала ў басейне Бярэзіны. Аналагічныя шпількі-заціскачки знойдзены на гарадзішчах Шчаткова, Чыжаха і паселішчы Чырвоная Зорка. З улікам Паліцкай іх цяпер пяць» (*Лашанкоў, 1997а: 30-31, рыс. 2, 3*). То же самое, но тридцатью годами ранее, уже утверждалось Л.Д. Поболем, который отмечал, что аналоги булавки из Щаткова неизвестны ему ни в милоградской, ни в зарубинецкой,

ни в культуре штрихованной керамики (*Поболь, 1967: 214, рис. 14, 7*) (рис. 1, 16). Однако посоховидные булавки такой своеобразной конструкции этнографическую особенность бассейна Березины, скорее всего, всё же не составляли. Это выясняется, например, с помощью одной из них, найденной на днепродвинском городище Бураково (рис. 1, 20). Её завиток удлинён приблизительно настолько же, как и у такой же железной булавки с городища Чижиха (*Шадыро, 1985: 64, рис. 38, 2*). Гораздо интереснее не северные, а южные аналогии. Бронзовая посоховидная булавка с аналогично оформленным завитком была обнаружена в погребении висоцкой культуры в с. Деревянное и датирована Ю.В. Кухаренко VII–VI вв. до н.э. (*Кухаренко, 1966: 113, рис. 43*) (рис. 1, 14). Видимо, такая её датировка нашла подтверждение в находке такой же по типу булавки при раскопках в уроч. Одринки около с. Корост, тоже на Ровенщине (рис. 1, 15). Но там было исследовано не висоцкое, а милоградское погребение, сопровождавшееся, однако, аналогичным набором украшений из гривны и булавки (*Канівець, 1953: 61, табл. XV, 11*). Итак, вопреки М.И. Лошенкову, аналоги посоховидных булавок особой разновидности из белорусского Поднепровья, а также и Подвинья представлены в западной Волыни. Впрочем, в проникновении такой формы с юга далеко вглубь лесной зоны нет ничего необычного: точно так же, например, двухпетельчатыми булавками скифского типа пользовались обитатели древнейших смоленских городищ (*Шмидт, 1992: табл. 11, 7*). Замечательно, что указанные аналоги, висоцкий и милоградский, позволяют, наверное, датировать эти булавки из городищ бассейна Березины, и притом весьма ранним временем. Их раннюю дату хорошо подтверждает также находка скифской по типу двухщитковой серьги VI–V вв. до н.э. совместно с одной из таких булавок на Щатковском городище (*Поболь, 1974: рис. 107, 6; Рассадзін, 1992: 72*).

На Петровицком городище ранняя датировка этих псевдо-«заціскачак» подтверждена ещё надёжнее. «Аналіз вугалю на С14 са знешняга вала, — пишет М.И. Лошенков, — выкананы ў Таліне ў Інстытуце

геологіі АН Эстоніі, даў наступнаю дату: Tп — 1305 — 2485 ± 35 — 609 г. да н. э. Два другія ўзоры вугалю ўзяты са сцяны з галоўнага вала і датуюцца наступным чынам: Tп — 1307 — 2435 ± 30 — 558 г. да н.э. і Tп — 1308 — 2365 ± 35 — 485 г. да н.э.» (*Лашанкоў, 1995: 123*). Получаецца, што с датіроўкай булавок этого типа, по Ю.В. Кухаренко, практически совпадают и даты возведения и реконструкции вала на Петровичах: самый конец VII — начало V вв. до н.э. Но, с другой стороны, публикацией этих результатов радиоуглеродной датировки создаётся едва ли не комичная ситуация, поскольку они явно противоречат помещённому в той же статье выводу М.И. Лошенкова: «Матэрыялы гарадзішча Пятровічы дазваляюць акрэсліць час яго функцыяніравання двума апошнімі стагоддзямі да н.э. і першым стагоддзем нашай эры» (*Лашанкоў, 1995: 124*). Сперва отдельно возник его вал, а всё остальное городище — триста лет спустя?

Дело тут, конечно, в элементарной ошибке, наподобие уже допущенной ранее в отношении двух бронзовых зеркал с рукоятками-петлями из городища Лиски. В специальной публикации автора раскопок они были отнесены к концу VI — началу V вв. до н.э. (*Лашанкоў, 1982: 43-44*). Курьёз заключался в том, что «непасрэдны аналаг», выбранный для них М.И. Лошенковым, датировался похоже, IV–V вв., но, однако, уже нашей эры. Издатель этого зеркала, А.А. Иессен, на которого М.И. Лошенков, кстати, ссылался, совершенно определённо отнёс его не к раннескифскому, а раннесредневековому времени (*Иессен, 1961: 171*). Эта хронологическая ошибка была в своё время исправлена, а для зеркал из Лисок были предложены раннетагарские аналоги VII — начала VI вв. до н.э. (*Рассадин, 1989: 9*). Потом и М.И. Лошенковым стала использоваться исключительно такая, исправленная датировка этих зеркал (*Лошенков, Барцева, 1995: 93*). Видимо, пришло время исправить ошибочную датировку времени возникновения городищ в бассейне Березины. Как свидетельствуют результаты раскопок А.В. Ильютик, М.И. Лошенкова, Л.Д. Поболя и наших совместных с Т.С. Скрипченко, здесь первые из них тоже закладываются уже в VII–VI вв.

до н.э. Впрочем, для каждого конкретного памятника дата основания требует уточнения, как это было сделано, в частности, на городище Петровичи. Однако предложенная нами в своё время датировка городища Турец-Городище у р. Свислочи, начиная с VI в. до н.э., и теперь представляется вполне обоснованной (*Рассадзін, Скрыпчанка, 1994: 125*).

«Асэнсаванне знаходак, — пишет М.И. Лошенков, — прывяло да высноў, што гарызонты аднаслойных ніжне- і сярэднебярэзінскіх гарадзіўчаў тоесны ніжнім (раннім) гарызонтам на ўмацаваных паселішчах у цэнтральнай і, магчыма, паўночна-заходняй частках рэспублікі» (*Лашанкоў, 1997: 148*). Но что это далеко не так, он, в общем-то, признаёт и сам. К примеру, М.И. Лошенковым тут же подчёркивается практическое отсутствие на березинских городищах обработанной кости. Кое-какой каменный — кремнёвый — инвентарь на Петровичах всё же выявлен, но он имеет здесь «выразныя мезалітычныя рысы», и поэтому в расчёт приниматься не может. Между тем городища Горани и Ратюнки, с которыми М.И. Лошенков тоже пытается как-то сопоставить также и Петровичи, дают обширную серию как каменных, так и костяных изделий. Впрочем, это их отличие от городищ бассейна Березины, специально уже подчёркивалось А.А. Егорейченко. В самом деле, о каком сходстве с ранними городищенскими комплексами северо-западной Беларуси (Горани, Зазоны, Ратюнки) и соседней Литвы (Навкунай, Неверишке) может идти речь, если последние возникли ещё в конце II тыс. до н.э., задолго до появления железа, в эпоху господства камня и кости (*Археалогія Беларусі, 1999: 118, 153*)? Но в рамках той самой же культуры штрихованной керамики для березинских городищ легко найти другие параллели.

«Несколько удивительно почти полное отсутствие изделий из кости, — пишет М.Ф. Гурин про городище Мысли. — По всей вероятности, железо уже полностью вытеснило такой материал, как кость для изготовления различных бытовых и хозяйственных предметов». По-видимому, так оно и было, ведь по находкам из металла и

стекла этот замечательный памятник культуры штрихованной керамики датируется временем не ранее I в. до н. э. (Гурин, 2000: 35). Неудивительно, что в археологических материалах этих Мыслей находит полное своё соответствие верхний горизонт городищ бассейна Березины, включая его также и на Петровичах. Однако в Мыслях нет материалов более архаического облика, в отличие, например, от Щаткова или Сорочёй. «Судя по обломкам, — пишет М.И. Лошенко о тех же Сорочах, — можно говорить о преобладании у местного населения профилированных горшков милоградского облика». Однако рисунки этих обломков, опубликованные им, видимо, не оставляют сомнений: здесь нужно говорить именно о милоградской культуре (Лошенко, 2001: 163). Её напластования на этом сильно повреждённом, но, по-видимому, всё же городище, оказались перекрыты отложениями культуры штрихованной керамики. На северной окраине Полесья такой же, в принципе, культурной стратиграфией обладает Иваньское городище, где самый ранний горизонт дал милоградскую керамику, а самый поздний — штрихованную (Егорейченко, 1996: 23, 64). Почему-то был оставлен без внимания также и один хорошо известный аргумент Л.Д. Поболь. «В связи с находками такой керамики со штрихами в Щаткове, — писал он ещё много лет назад, — можно было считать, что на этом городище имеются отложения культурного слоя культуры штрихованной керамики. Но подобному предположению противоречит полное отсутствие форм сосудов, характерных для упомянутой культуры: горшки баночных типов, горшки ребристых типов с защипами по ребру и др. Отсутствуют здесь также и другие предметы материальной культуры, хорошо известные в городищах культуры штрихованной керамики: пряслица, напоминающие собою шляпки гриба и др.» (Поболь, 1967: 197). Очевидно, что за прошедшие годы оснований для пересмотра этого мнения автора раскопок в Щаткове не появилось. Появилось, однако, возражение А.А. Егорейченко против включения в область распространения культуры штрихованной керамики нижнего течения Березины,

поречья Днепра и Сожа, о чём, по его мнению, свидетельствует, в том числе, также и весь комплекс вещевых остатков в Щаткове (*Археологія Беларусі, 1999: 118*). Мы также не согласны как с попытками необоснованного расширения ареала этой культуры, так и с попытками «купирования» милоградского — за счёт, например, тех же Сорочёй. Наличие в «многострадальном» жилище из раскопа IV в Милограде трёх пар височных колец наподобие найденных, но по отдельности, на Лабенщине, в Мыслях и Петровичах, ещё совсем не свидетельствует, что оно было построено «або спалена» (? — С.Р.) не «милоградцами», а «штриховиками» (Лашанкоў, 1997: 152-154). Как не даёт оснований пара позднелатенских фибул оттуда же полагать, что это жилище здесь построили, или, наоборот, сожгли, непосредственно сами галлы.

Итак, в целом некорректной хронологической соответствует, к сожалению, такая же культурная атрибуция. При этом находящиеся в научном обороте культурно-археологические интерпретации пересказываются тоже далеко не корректно. «У выніку знаёмства з матэрыяламі ніжняга гарызонта гарадзішча Лабеншчыны, — пишет М.И. Лошенко, — С.Я. Расадзін прыйшоў чамусці да думкі, што іх трэба разглядаць як самастойную групу помніка» (Лашанкоў, 1997: 148). Что единственное число в конце этой фразы неуместно и искажает суть дела, следует уже из самого названия нашей публикации (Расадин, 1990: 68-70).

Таким образом, речь на самом деле идёт, конечно, не только о городище Лабенщина, но и довольно многочисленных в бассейне верхней и средней Березины памятниках, однотипных его нижнему горизонту, которые М.И. Лошенковым необоснованно и неудачно причисляются к культуре штрихованной керамики. Иначе говоря, имеется в виду та самая культура, которая странным образом «потерялась» на Петровичах. Реально на этом городище она должна была уместиться между самым концом VII — началом V вв. до н.э. и концом I в. до н. э. — I в. н.э., то есть датировками его валов, по С14, и началом отложения на нём же горизонта штрихованной

керамики, по находке, например, кельта с узким корпусом. Вопреки М.И. Лошенко-ву, ни о какой «автохтонности» этой культуры в Петровичах не может быть и речи (Лашанкоў, 1994: 124). Ничего похожего на её ранние комплексы, представленные, например, в Горанях, или на других «костеносных» городищах ранней штрихованной керамики, здесь нет. Частично синхронные им поселения старшей эпохи железа в бассейне Березины обладали совсем другими культурными особенностями. Мы считали и считаем их промежуточными между милоградской культурой, с одной стороны, и днепродвинской, с другой, с некоторым, однако, смещением в сторону последней. В самом деле, от ранних городищ белорусского Подвинья синхронные им памятники соседнего бассейна Березины резко отличаются отсутствием костяной и каменной индустрии. С другой стороны, если во всех без исключения частях милоградского ареала в разных формах, однако всегда достаточно выразительно, представлены погребальные памятники, то на верхней – средней Березине синхронные им, как известно, отсутствуют. Однако, кроме этих принципиальных отличий, обнаруживаются также многие частные совпадения, которые как раз и представляют особый интерес.

На верхней – средней Березине, как и у «милоградцев» на верхнем Днепре, основным, или, точнее, единственным, типом поселения были городища. Но эти милоградские поселения, согласно О.Н. Мельниковской, сразу закладывались в качестве городищ (Мельниковская, 1967: 167). Согласно уточнению А.А. Егорейченко, они или возникают уже как укрепленные, подобно Холопеничам и Чаплину, или же существуют без укреплений только короткое время, как Ивань и Горошков (Егорейченко, 1996: 19). В отличие от милоградских, городища бассейна Березины развивались, видимо, по-другому. Согласно А.Г. Митрофанову, первоначально искусственных укреплений они не имели и почти не отличались от стоянок эпохи бронзы. Эти поселения, защищенные лишь деревянным забором, да ещё искусственным увеличением крутизны склонов занятых ими возвышенностей,

рассматривались им как переходные от неукрепленных к укрепленным (Митрофанов, 1978: 10, 15). Но точно так же, согласно В.И. Шадыро, выглядели и первые днепродвинские городища VIII–IV вв. до н.э. (Шадыро, 1985: 13–16). Впрочем, различия между всеми этими тремя группами городищ вряд ли можно считать значительными. С другой стороны, как это справедливо подмечено А.А. Егорейченко, слегка заглубленное жилище из раскопа I на городище Оздятичи, бесспорно, было тождественно типичным милоградским, будучи даже снабженным, как и они, характерным угловым выступом (Егорейченко, 1982: 56). Одновременно с Оздятичским, согласно А.Г. Митрофанову, возникло городище Лабенщина, нижний горизонт которого дал точно такую же культуру. Однако жилище, относящееся к этому горизонту, имело явно не милоградский облик. По-видимому, это был узкий (4,5 м), но «длинный» дом столбовой конструкции (вскрыт на 9,5 м) (Митрофанов, 1978: 14). Наиболее ранние наземные дома, выявленные на днепродвинском Кубличском городище, тоже были столбовыми и «длинными»: 8х3 м, 8х2,7 м. Открытые на городище Лабенщина очаги в виде подковообразных каменных выкладок тоже оказались аналогичными днепродвинским, а не милоградским (Митрофанов, 1978: рис. 5; Шадыро, 1985: 27). Однако бросается в глаза сходство глиняной посуды, что для А.Г. Митрофанова послужило одним из главных оснований предположения об этнической родственности, а для А.А. Егорейченко – даже для тождественности среднебелорусских березинских и классических милоградских памятников (Митрофанов, 1978: 30; Егорейченко, 1982: 56). Действительно, это большое сходство простирается даже вплоть до наличия на городище Чижаха фрагмента круглодонного сосуда (Ильютик, 1998: 26, рис. 2, 7). Однако керамика милоградского облика выходит за пределы ареала этой культуры едва ли не дальше, чем штриховка – за пределы культуры штрихованной керамики. Например, круглодонный сосуд с яйцевидным туловом был даже орнаментирован «жемчужинами», но он принадлежал не к милоградской, а к глазковской культуре

раннего бронзового века на Байкале (*Эпоха бронзы...*, 1987: рис. 125, 25) (рис. 1, 48). Вся милоградская посуда была разделена в своё время на две половины: сосуды с шейкой (подгруппа А) и сосуды с прямым или загнутым внутрь венчиком (подгруппа Б) (*Мельниковская*, 1967: 100, рис. 42) (рис. 1, 45). На березинских городищах эта подгруппа Б, так характерная для милоградской культуры, практически вовсе не представлена. С другой стороны, здешние сосуды с шейками имеют как милоградские, так и днепродвинские аналогии. Нами в своё время было отмечено, что профили верхних частей гладкостенных и штрихованных сосудов например, из Кублич, вряд ли диссонировали бы среди таковых из Лабенщины, Кимии, Оздятич, Новосёлок (*Рассадин*, 1990: 68-69) (рис. 1, 46-47). Те же кубличские аналогии использовались впоследствии также и А.В. Ильютик (*Ильютик*, 1998: 27). «Грузікі ражковай формы, — утверждает М.И. Лошенко, — у раннім жалезным веку з'яўляюцца спецыфічнай асаблівасцю менавіта мілаградскай культуры» (*Лашанкоў*, 1989: 76). Типичный «рожковый» грузик крестовидной формы представлен, например, в гето-дакийской культуре румынской Молдовы III—II вв. до н.э. (*Teodor*, 1987: fig. 28, 1) (рис. 1, 21). Впрочем, в данном случае интереснее шестилучевой грузик из Малышек (*Медведев*, 1996: рис. 61, 4), а также семилучевой из днепродвинской Кострицы, который, вопреки В.И. Шадыро, также скорее «рожковый», чем «дьякова» типа (*Шадыро*, 1985: 85, рис. 60, 12) (рис. 1, 22, 25).

Однако своеобразие культуры ранних городищ бассейна Березины, по-видимому, отчётливее проявилось в других находках, в частности, пары топоров в самом нижнем горизонте Лабенщины (рис. 1, 38, 42). Совершенно разные, по типу они оба одинаково и абсолютно чужды милоградской культуре. Один был из рога лося и производил, согласно А.Г. Митрофанову, впечатление недообработанного орудия (*Митрофанов*, 1978: 51-52, рис. 20, 12). Впрочем, тоже как некая заготовка выглядит, например, топор из лосиного рога, обнаруженный на одном из поселений культуры лейковидных кубков. Однако он имеет

уже следы интенсивного применения, как предполагается, в качестве полифункционального хозяйственного орудия (*Rogatko*, 1997: 127, рис. 1). Территориально, и, по-видимому, хронологически, к найденному в Лабенщине ближе широколезвийный топор-заготовка, обнаруженный на городище культуры штрихованной керамики Горани, ранняя дата которого определяется VI—V вв. до н.э. (*Зверуго*, 1992: 99, 103). Не исключено, что к той же старшей эпохе железа принадлежал также ещё один топор из лосиного рога, найденный на древнем городище в Мстиславле, согласно уточнению Е.Р. Романова, «глубоко в земле» (*Романов*, 1908: 79-80, № 29). Древнейшую часть культурного слоя мстиславского городища Девичья Гора, синхронную нижнему слою Тушемли, Л.В. Алексеев датировал второй половиной I тыс. до н.э. (*Алексеев*, 1963: 78). Мстиславский роговой топор тщательно отделан и даже орнаментирован (рис. 1, 39). Возможно, такой же законченный вид должен был иметь топор найденный в Лабенщине, который А.Г. Митрофанов склонен был считать культовым.

Точно такие же не южные, скифские и милоградские, а северные аналогии имеет находка около очага 1 в раннем горизонте Лабенщины. По А.Г. Митрофанову, это железное орудие с лезвием на черенке напоминает долото. Аналогичную находку из днепродвинского городища Девички В.И. Шадыро именует рубилом, но датирует его так же, I—IV вв. н.э., согласно тем же прибалтийским аналогам из В. Герте и Х.А. Мооры (*Митрофанов*, 1978: 35, рис. 20, 16; *Шадыро*, 1985: 62-63, рис. 40, 1) (рис. 1, 44). Городище штрихованной керамики Кащеличи дало два экз. этих топоров со стержнями, как они названы А.М. Медведевым (рис. 1, 43). Их датировка сужается им до II в. н.э., поскольку в Прибалтике они встречены в комплексах этого времени (*Медведев*, 1996: 31, рис. 49, 2, 3). Возможно, однако, что, как и роговой, железный топор из нижнего горизонта Лабенщины относится к более раннему времени. Ареал этого типа в Прибалтике так же широк, как и у клиновидных, простираясь вплоть до Финляндии. В Латвии клиновидные топоры скифского типа появляются,

согласно Я. Циглису, около середины I тыс. до н.э., но продолжают бытовать вплоть до I в. н.э. (Циглис, 2003: 119). Не совпадает ли распространение обоих этих типов также и хронологически? Возможно, у железных черешковых топоров имеются прототипы, выполненные ещё в другом материале. Так, по форме и размерам их очень напоминают роговые муфты с пазами для металлических, а до того и кремнёвых лезвий, относящиеся, видимо, ещё к ранней культуре штрихованной керамики (Зверуго, 1992: 95, рис. 2: 1-2, 4-6, 8-9, 11) (рис. 1, 41). Но, с другой стороны, сами костяные орудия, как таковые, иногда воспроизводят форму синхронных им металлических. Например, на городище Ратюнки найден наконец копья с листовидным пером, точно воспроизводящий такие же, но бронзовые, распространённые в XV–IX вв. до н. э. в лужицкой культуре (Археологія Беларусі, 1999: 153, мал. 44, 24). Цельнокаменные черешковые топоры так наз. лепельско-борисовского типа, или топоры «с оплечьем», бытовали в Подвинье и на верхней Березине в эпоху бронзы (Исаенко, 1976: 29, рис. 5, 14). О более позднем их использовании, и, возможно, изготовлении, свидетельствует находка такого же черешкового топора на днепродвинском городище Заговалино (Шут, 1969: 31-42). Другой такой топор был найден и на днепродвинском городище Замосье (рис. 1, 40) (Шадыро, 1985: рис. 18, 4). Итак, если всё это учесть, то черешковый топор из железа, совсем не обязательно будет противоречить раннему возрасту нижнего горизонта Лабенщины. С другой стороны, вместе с роговым он определённо подчёркивает не милоградскую — южную, — а противоположную — северную — культурную ориентацию этого горизонта.

На верхней и средней Березине пока что не только нет ни единой находки скифского импорта, но и отсутствует даже такой простой элемент южного происхождения, как «жемчужный» орнамент. Итак, намечается большая близость древностей типа нижнего горизонта Лабенщины всё же к днепродвинской культуре, что во многом было обусловлено, по-видимому, общим направлением их культурных связей не

на юг, в лесостепную Скифию, как у милоградской, а на север, в глубину лесной зоны. Однако для этого имелись, возможно, глубинные причины. Так, практически во всех частях ареала милоградской культуры уже открыты памятники её бесспорной генетической предшественницы, — культуры лебедовской. В ареале же древностей типа нижнего горизонта Лабенщины они остаются пока что совершенно не известными.

Но если их происхождение пока неясно, то судьба их, наоборот, известна хорошо. Итак, согласно А.М. Медведеву, в ареале штрихованной керамики налицо явная тенденция усиления оборонительных сооружений в юго-восточном направлении, или вниз по Березине (Медведев, 1996: 20). Удаляясь от своей основной территории, «штриховики», естественно, старались здесь обезопасить свои городища их повышенной защитой. Видимо, это было тем более необходимо, что здесь под свои поселения ими использовались прежние места обитания местных жителей. Согласно А.Г. Митрофанову, первоначально городище Лабенщина долгое время существовало как слабо укреплённое поселение. Раскопки показали, что ранний период жизни на нём был прерван большим пожаром Полуметровый слой пожарища перекрывает нижний горизонт примерно такой же толщины на всей его площади. Полностью выгоревшее городище было перестроено коренным образом. Головешки, что остались от домов прежних жителей, были выброшены с площадки, а она вместо деревянного забора укрепляется с одной стороны двойной, а с другой даже тройной линией валов. На Лабенщине начинает формироваться её верхний горизонт, относящийся уже к культуре штрихованной керамики (Митрофанов, 1978: 14-16, рис. 5). Когда именно «штриховики» захватили Лабенщину, а вместе с ней весь бассейн верхней — средней Березины, а также прилегающую часть Полесья, мы знаем теперь довольно точно. Во второй половине I в. до н. э., согласно А.А. Егорейченко, они уже обосновались в Ивани (Егорейченко, 1996: 23). Судя по хронологии таких же датирующих находок, зарубинецкого кельта из Петровичей

золочёных бус из Мыслей, одновременно им удалось также занять первое и заложить второе из этих городищ. В результате ареал древностей типа сожжённой ранней Лабенщины оказался полностью перекрытым широким расселением этих пришельцев из Понемонья.

Каким путём они оттуда пришли, красноречиво рассказывает так наз. «зеркальная» гидронимия центральной Беларуси. Вас.А. Булкин указал на существование здесь «зеркального» ряда названий: Неман ← Березина ← Исlochь ← Во́лма — Во́лма, → Свисlochь → Березина → Днепр. По его мнению, через Минскую возвышенность, где сближаются верховьями обе эти Во́лмы, проходил водный торговый путь эпохи Полоцкого княжества (Булкин, 1983: 5-3). Ничто не препятствует, однако, отнесению возникновения этого «зеркального» речного ряда, по которым шла трасса

реконструированного Вас.А. Булкиным пути, к гораздо более ранней, еще дославянской эпохе, так как названия в его составе издавна признаются всё же за балтские (Жучкевич, 1974: 26, 338).

Этническая принадлежность автохтонного населения, оставившего нижний горизонт на Лабенщине, Петровичах, и др., неясна. Ясно, однако, что около рубежа эр ему в лучшем случае была уготована роль этнического субстрата юго-восточной части культуры штрихованной керамики. Зато известно, как именно это население именовалось в античных письменных источниках: андрофаги, или, иначе, амадоки (Рассадзин, 1992a: 60-73; 1999: 17).

Итак, оказывается, что многие археологически установленные факты, и даже датировка валов Петровичского городища по С14, могут получить вполне непротиворечивую историческую интерпретацию.

Литература

- Алексеев, 1996 — Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии (VII–IV вв. до н. э.) Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 1996.
- Алексеев, 1963 — Алексеев Л.В. Городище Девичья Гора в Мстиславле // КСИА. 1963. Вып. 94.
- Андрienко, 1996 — Андрienко В.П. Булавки с поселения Пожарная Балка // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996.
- Археалогія Беларусі, 1999 — Археалогія Беларусі. Другі том. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мінск, 1999.
- Березанская, 1976 — Березанская С.С. Лебедовская культура эпохи бронзы в лесостепной Украине // Энеолит и бронзовый век Украины. К., 1976.
- Булкин, 1983 — Булкин В.А. Некоторые данные об исторической географии центральной Белоруссии // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983.
- Вергей, 1994 — Вергей В.С. Селище у дер. Лемешевичи // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1994. № 5.
- Галанина, 1977 — Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга) // САИ. 1977. Вып Д 1-33.
- Гурин, 2000 — Гурин М.Ф. Археологические материалы из городища Мысли // Гістарычна-археалагічны зборнік. 2000. № 15.
- Дьяковская культура, 1974 — Дьяковская культура, М., 1974.
- Егорейченко, 1982 — Егорейченко А.А. К истории населения Белоруссии в раннем железном веке // СА. 1982. № 1.
- Егорейченко, 1993 — Егорейченко А.А. Некоторые итоги семилетнего изучения городища Ивань // Час, помнікі, людзі. Памяці рэпрэсаваных археалагаў. Тэз. дакл. міжнар. канф. Мінск, 1993.
- Егорейченко, 1996 — Егорейченко А.А. Древнейшие городища Белорусского Полесья (VII–VI вв. до н. э. — II в. н. э.). Минск, 1996.
- Жучкевич, 1974 — Жучкевич В.А. Топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974.
- Зверуго, 1992 — Зверуго Я.Г. Исследования Гораньского городища // Lietuvos archeologija. 1992. Т. IX.
- Иессен, 1961 — Иессен А.А. Так называемый «Майкопский пояс» // АСГЭ. 1961. Вып. 2.
- Ильютник, 1994 — Ильютник А.В. Пряслица и грузики из городищ раннего железного века бассейна Березины // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1994. № 5.
- Ильютник, 1996 — Ильютник А.В. Лысуха — памятник железного века // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1996. № 7.
- Ильютник, 1998 — Ильютник А.В. Керамика городищ железного века бассейна Березины // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1998. № 13.

- Ильютик, 2002* – Ильютик А.В. О датировке и культурной принадлежности ранних городищ в бассейне Березины // Гістарычна-археалагічны зборнік. 2002. № 17.
- Іллінська, 1952* – Іллінська В.А. Верхньосульська експедиція 1947 р. // АПУРСР. 1952. Т. 4.
- Ильинская, 1968* – Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. К., 1968.
- Канівець, 1953* – Канівець В.І. Звіт про археологічну розвідку в Західній Україні в 1952 р. // НА ІА НАНУ. № 1952/16, ф.екс. 2087.
- Канівець, 1953* – Канівець В.І. Звіт про розвідкові розкопки біля с. Погреби, Броварського району, Київської області в 1952 р. // НА ІА НАНУ. № 1952/15, ф.екс. 1995 (а).
- Каспарова, 1972* – Каспарова К.В. Зарубинецкий могильник Велемичи-II // АСГЭ. 1972. Вып. 14.
- Кухаренко, 1966* – Кухаренко Ю.В. Из разведок в Полесье // КСИА. 1966. Вып. 107.
- Лашанкоў, 1982* – Лашанкоў М.І. Бронзавыя люстэркі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. № 2. 1982.
- Лашанкоў, 1989* – Лашанкоў М.І. Тыпалогія гліняных грузікаў з усходнепалескіх гарадзішчаў мілаградскай культуры // Весці АН БССР. Серыя грамадск. навук. 1989. № 5.
- Лашанкоў, 1993* – Лашанкоў М.І. Ястребка – гарадышча мілаградскай культуры // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1993. № 3.
- Лашанкоў, 1994* – Лашанкоў М.І. Даследванні гарадышча Пятровічы // Весці АН БССР. Серыя грамадск. навук. 1994. № 1.
- Лашанкоў, 1997* – Лашанкоў М.І. Аб часе з'яўлення «штрыхавікоў» у паўднёва-ўсходняй Беларусі // Труды VI Міжнароднага Конгрэса славянскай археалогіі. Т. 3. Этногенез і этнокультурныя кантакты славян. М., 1997.
- Лашанкоў, 1997а* – Лашанкоў М.І. Паліцае гарадышча і яго месце сярод помнікаў басейна Бярэзіны // Заслаўскія чытанні 1995 г. Заслаўе. 1997.
- Лошенков, 2001* – Лошенков М.И. Поселение культуры штрихованной керамики на юге Беларуси // Lietuvos Archeologija. 2001. T. 21.
- Лошенков, Барцева, 1995* – Лошенков М.И., Барцева Т.Б. К вопросу о бронзолитейном ремесле милоградской культуры // Гістарычна-археал. зборнік. 1995. № 6.
- Лашанкоў, Сычоў, 1993* – Лашанкоў М.І., Сычоў В.І. Раскопки гарадышча Любны // Гістарычна-археал. зборнік. 1993. № 2.
- Максимов, 1972* – Максимов Е.В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972.
- Медведев, 1996* – Медведев А.М. Белорусское Пономонье в раннем железном веке. Минск, 1996.
- Мельниковская, 1967* – Мельниковская О.Н. Племена южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.
- Мелюкова, 1964* – Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. 1964. Д1–4.
- Митрофанов, 1978* – Митрофанов А.Г. Железный век средней Белоруссии (VII–VI вв. до н.э. – VIII в. н.э.). Минск, 1978.
- Охріменко, Гусаревич, 2003* – Охріменко Г., Гусаревич О. Нові пам'яткі тшцінецко-комарівської культури на Волинському Поліссі // Kultura i Historia, 2003. № 4. Lublin.
- Петров, 1959* – Петров В.П. Зарубинецкий могильник // МИА. 1959. № 70.
- Поболь, 1967* – Поболь Л.Д. Поселения железного века около д. Шатково Бобруйского района // Белорусские древности. Минск, 1967.
- Поболь, 1974* – Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры – с середины III в. до н.э. по начало II в. н.э.). Минск, 1974.
- Поболь, 1987* – Поболь Л.Д. Отчёт о полевых работах в 1987 г. // Архив Ин-та истории НАН Беларуси. Ед. хр.1028.
- Полін, 1987* – Полін С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археалогія. 1987. Вып. 59.
- Рассадин С.Е., 1989* – Рассадин С.Е. Милоградская культура (актуальные проблемы исследования). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Минск, 1989.
- Рассадзін, 1992* – Рассадзін С.Я. Да пытання аб сувязях старажытнага насельніцтва Беларусі са скіфскімі землямі ў VIII – III ст.ст. да н. э. // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1992. № 2.
- Рассадзін, 1992а* – Рассадзін С.Я. Герадотавы андрафагі // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1992. № 2.
- Рассадин, 1990* – Рассадин С.Е. Среднебелорусский вариант милоградской культуры или памятники типа нижних слоёв Лабенщины? // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. Докл. науч.-практ. конф. Псков, 1989.
- Рассадин, 1999* – Рассадин С.Е. Племена и народы «заскифского» Севера и Северо-Востока. Автореф. дисс. ...докт. ист. наук. Минск. 1999.
- Рассадзін, Скрыпчанка, 1994* – Рассадзін С.Я., Скрыпчанка Т.С. Раскопки гарадышча Турэц – Гарадышча // Весці АН БССР. Серыя грамадск. навук. 1994. № 1.
- Романов, 1908* – Романов Е.Р. Старина доисторическая Северо-Западного края // Виленский календарь на 1908 год. Вильна, 1908.
- Степи..., 1989* – Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.

- Тереножкин, 1961* – Тереножкин А.И. Предскифский период на днепровском Правобережье. К., 1961.
- Трубникова, 1938* – Трубникова Н.В. К вопросу о юхновском городище // Труды ГИМ. 1938. Вып. 8.
- Финно-угры..., 1987* – Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. 1987.
- Циглис, 2003* – Циглис Я. Железные клиновидные топоры в Латвии // *Archeologia Lituana*. 2003. № 4.
- Чарняўскі Макс, 2003* – Чарняўскі Макс.М. Аб даследаванні тарфянікавай стаянкі Асавец-7 у 2002 г. // Гістарычна-археал. зборнік. 2003. № 18.
- Шадыра, – Шадыра В.І.* Беларускае Падзвінне ў эпоху жалеза і ранняга сярэднявечча (VIII ст. да н. э. – VIII н. э.). Аўтарэф. дыс. ... докт. гіст. навук. Мінск.
- Шадыро, 1985* – Шадыро В.И. Железный век северной Белоруссии. Минск, 1985.
- Шрамко, 1996* – Шрамко Б.А. Комплекс глиняных скульптур Бельского городища // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Збірник наукових праць. Полтава, 1996.
- Шут, 1966* – Шут К.П. Памятники раннего железного века на севере Белоруссии // Древности Белоруссии. Минск, 1966.
- Шут, 1969* – Шут К.П. Городище Заговалино Ушачского района // Тез. докл. XII конф. молодых учёных Белорусской ССР. Минск, 1969.
- Эпоха бронзы..., 1987* – Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
- Gedl, 2003* – Gedl M., Przemiany kulturowe w środkowym okresie epoki brązu na południowo-zachodnich peryferiach zasięgu kultury trzcinieckiej // *Kultura i Historia*, 2003. № 4. Lublin.
- Rogatko 1997* – Rogatko J., Topór rogowy z Gródka nad Bugiem, województwo zamojskie // *Wiadomości archeologiczne*. 1997. T. 53.
- Teodor, 1987* – Teodor S., Cercetările arheologice de La Ciurea, județul Iași // *Arheologia Moldovei*. XI. 1987.